

Глава 1

Добраться до угла Лексингтон-авеню и 63-й улицы было почти невозможно: завывающая вьюга намела сугробы и поглотила под снегом все машины, кроме самых больших. Автобусы отказались от борьбы где-то в районе 23-й улицы и сгрудились там, как замерзшие динозавры. Лишь какой-нибудь из них отваживался покинуть стадо и неуклюже поползти по проложенной снегоуборщиками дорожке в сторону центра, подбирая по пути отдельных смельчаков. Они выскакивали из подъездов, отчаянно махая руками и, поскользываясь на снегу, спешили к дороге, перелезали через сугробы, наваленные на месте бордюров, и забирались в автобус. К этому времени лица у них были красные, на глазах выступали слезы, а что до Берни, так у него еще и борода покрывалась сосульками.

Поймать такси было просто нереально, и, прождав пятнадцать минут, Берни отказался от этой затеи и двинулся пешком на юг от 79-й улицы. Он частенько ходил на работу пешком: идти-то от двери до двери было всего восемнадцать кварталов, но сегодня, пока шел от Медисон до Парк-авеню, а потом, повернув на Лексингтон-авеню, понял, что ледяной ветер слишком силен, и, пройдя еще четыре квартала, сдался. Какой-то дружелюбный привратник пустил его в вестибюль подождать. Лишь несколько самых отважных душ ждали

автобуса на улице — на то, чтобы доехать до конечной остановки в северной части Медисон-авеню и повернуть обратно, у него ушли часы, и вот теперь он полз по Лексингтон-авеню на юг, чтобы отвезти бедняг на работу. Другие поступили более разумно и еще утром, заметив первые признаки начинающейся пурги, решили вовсе не выходить из дому. Берни был уверен, что магазин окажется полупустым, но он не привык отсиживаться дома, даже в самую мерзкую погоду, потому что терпеть не мог бездельничать или смотреть дурацкие сериалы.

Нет, Берни не был трудоголиком, просто любил магазин, потому и работал по шесть дней в неделю, а зачастую и тогда, когда это было необязательно. Он буквально жил этим универмагом — всем, что происходило на восьми этажах «Уольфс». А этот год был особенно важным: они вводили в ассортимент семь новых линий одежды, в том числе четыре — от ведущих европейских дизайнеров, и это должно было изменить весь облик американской моды в сегменте готовой одежды.

Погруженный в эти мысли, Берни смотрел в окно на занесенные снегом улицы, но не видел ни снега, ни с трудом пробирающихся к автобусу людей, ни даже во что они были одеты. Перед его мысленным взором проплывали весенние коллекции, которые он видел в ноябре в Париже, Риме и Милане. Эффектные женщины дефилировали по подиуму, словно эксклюзивные куклы ручной работы, демонстрируя эту одежду так, чтобы представить ее в наилучшем виде. Он вдруг понял, что рад, что поехал сегодня на работу. Ему хотелось еще разок взглянуть на манекенщиц, которых они выбрали для большого показа мод на следующей неделе. Берни не только сам отбирал и одобрял одежду, но и хотел убедиться, что и модели тоже выбраны правильно. Бернард Файн любил вникать во все, начиная от финансовых показателей и заканчивая закупками одежды,

не обошел своим вниманием даже выбор манекенщиц и дизайн приглашений для самых ценных клиентов. Для него все это было частью единого целого, и каждая деталь была важна. В этом смысле его работа была бы такой же, трудись он в «Юнайтед стейтс стил» или «Кодак». Все они имели дело с каким-то товаром, точнее с рядом товаров, и Бернард был в ответе за впечатление, которое этот товар произведет.

Забавно, что если бы пятнадцать лет назад, когда Берни играл в футбольной команде Мичиганского университета, кто-нибудь сказал ему, что он будет беспокоиться по поводу нижнего белья манекенщиц и переживать, хорошо ли пройдет показ вечерних платьев, он бы как минимум рассмеялся в лицо этому человеку, а то и дал в зубы. По правде говоря, это и сейчас порой казалось ему забавным. Иногда, сидя у себя в огромном кабинете на восьмом этаже, он вспоминал те дни и улыбался своим мыслям. В университете, по крайней мере первые два года, он интересовался всем понемногу, а потом выбрал своей специализацией русскую литературу. Всю первую половину третьего курса его кумиром был Достоевский, вровень с ним стоял Толстой, от которого лишь немного отставала не столь прославленная личность — Шейла Борден. Он познакомился с ней на первом уровне изучения русского, а пошел он туда, потому что решил, что не сможет отдать должное русской классике, если читать ее в переводе. Поэтому Берни пошел на ускоренный курс русского в Берлице. Там он научился спрашивать дорогу до почты, узнавать, где находится туалет или как найти нужный поезд. Его акцент невероятно забавлял учителя, но изучение русского согрело его душу. А еще ее согрела Шейла Борден. Очень стройная и подтянутая, Шейла сидела на первом ряду, ее длинные волосы ниспадали до талии — очень романтично, как казалось Берни. Ее привела на курсы русского языка одержимость балетом. Как Шей-

ла объяснила ему в их первом разговоре, она танцевала с пяти лет, а балет не поймешь, пока не поймешь русских. Она была эмоциональной и наивной, а ее тело являло собой поэму симметрии и грации, и на другой день, когда Берни увидел, как она танцует, оно просто околдовало его.

Шейла родилась в Хартфорде, штат Коннектикут, ее отец работал в банке, что ей казалось ужасно прозаическим. Ей бы хотелось иметь более драматичное происхождение — например, мать в инвалидной коляске, отец, больной туберкулезом, умерший вскоре после ее рождения. Будь это годом раньше, Берни бы над ней посмеялся, но не на третьем курсе. В свои двадцать лет он отнесся к ней очень, очень серьезно, к тому же она великолепно танцевала — все это он объяснил своей матери, когда приехал на каникулы домой.

— Она еврейка? — спросила мать, услышав ее имя.

В имени Шейла ей слышалось что-то ирландское, а фамилия Борден ее по-настоящему испугала. Но эта фамилия могла быть переделанной из Бордман, или Берковиц, или еще какой-нибудь в этом роде, что было бы признаком трусости, но все-таки терпимо. Берни страшно не понравилось, что мать об этом спросила. Этим вопросом она изводила его большую часть жизни, даже еще до того, как он начал интересоваться девушками. «Он еврей?.. Она еврейка?.. — спрашивала мать обо всех его знакомых. — Какой была девичья фамилия его матери? У него была в прошлом году бар-мицва? Чем, ты сказал, занимался его отец? Но она-то еврейка?»

Разве не все евреи? Во всяком случае, все, с кем были знакомы Файны. Его родители хотели, чтобы он поступил учиться в Колумбийский университет или даже в Нью-Йоркский. «Ты мог бы ездить на учебу из дому», — говорили они. По сути, мать даже пыталась на этом настоять, но его приняли только в Мичиганский, поэтому принять решение оказалось нетрудно. Берни

был спасен, спасен и отбыл в страну свободы — встречаться с сотнями голубоглазых блондинок, которые слыхом не слыхивали о фаршированной рыбе, креплахе или кнышах и понятия не имели, когда будет еврейская пасха. Для Берни это была приятная перемена. Со всеми девушками Скарсдейла, от которых была без ума его мать, он к тому времени уже успел познакомиться, и они ему надоели. Ему хотелось чего-то нового, иного и, может быть, немного запретного, и Шейла подходила по всем этим пунктам. Вдобавок она была невероятно красива: большие агатовые глаза, длинные, черные как смоль волосы. Она познакомила Берни с русскими писателями, о которых он никогда до этого не слышал, они читали их книги вместе — конечно, в переводе. Приехав домой на каникулы, Берни пытался обсудить эти книги с родителями, но из этого ничего не вышло.

— Твоя бабушка была русской. Если бы ты хотел выучить русский, мог бы учиться у нее, — сказала тогда мать.

— Но это было совсем не то. Вдобавок она все время говорила на идише...

Берни замолчал, потому что терпеть не мог спорить с родителями. А его мать обожала спорить обо всем на свете. Это было ее нормальное состояние, главная радость жизни и любимый вид спорта. Она спорила со всеми, особенно с ним.

— Не смей неуважительно говорить о покойной!

— Я не говорил о ней неуважительно, я только сказал, что бабушка все время говорила на идише...

— Она и русский прекрасно знала. А какая тебе теперь от этого польза? Тебе следовало бы ходить на занятия по естественным наукам... по экономике... вот что сейчас нужно мужчинам в этой стране.

Мать хотела, чтобы Берни стал врачом, как его отец, или, на худой конец, юристом. Но перспектива пойти по стопам отца Берни никогда не привлекала, даже

в детстве. Он восхищался отцом, но сам ни за что бы не хотел стать врачом. Несмотря на мечты матери, он хотел заниматься чем-нибудь другим.

— Зачем тебе русский? Кто говорит на русском, кроме коммунистов?

Шейла Борден, вот кто! Берни с досадой посмотрел на мать. Она была привлекательной в молодости, да и сейчас осталась такой, он никогда не стеснялся ни ее внешности, ни внешности отца, раз уж на то пошло. Его отец был высоким, худощавым, с седыми волосами и темными глазами, в которых часто застывало отсутствующее выражение. Он любил свою работу и все время думал только о пациентах, но Берни знал, что, если понадобится, отец всегда ему поможет. А мать много лет осветляла волосы — оттенок назывался «Осеннее солнце» и очень шел ей. У нее по-прежнему была хорошая фигура. Берни унаследовал от нее зеленые глаза. Никто этого толком не замечал, но она всегда носила дорогую одежду. Ее темно-синие и черные платья стояли в «Сакс» или «Лорд энд Тейлор» кучу денег, но для Берни она выглядела просто матерью.

— Зачем эта девушка вообще учит русский? Где живут ее родители?

— В Коннектикуте.

— Где конкретно в Коннектикуте?

Берни подмывало спросить, уж не собирается ли она нанести им визит.

— В Хартфорде. Какая разница?

— Берни, не груби.

Мать держалась чопорно. Он свернул салфетку и отодвинулся от стола вместе со стулом. От обедов с матерью у него вечно начинал болеть желудок.

— Куда ты собрался? Тебя никто не отпускал.

Можно подумать, ему все еще пять лет! Иногда Берни очень не хотелось приходить домой, а потом он чувствовал себя виноватым за то, что не хотелось. А потом

злился на мать за то, что она вызывает у него чувство вины за то, что ему не хочется домой.

— До отъезда мне еще нужно позаниматься.

— Слава богу, ты больше не играешь в футбол!

Вечно мать говорила что-нибудь такое, что вызывало у него желание взбунтоваться. Ему хотелось повернуться и заявить, что он вернулся в команду или что он вместе с Шейлой занимается балетом, только чтобы ее немного встряхнуть.

— Мама, я не говорил, что это окончательное решение.

Рут Файн пристально посмотрела на сына:

— Поговори об этом со своим отцом.

Лу знает, что делать, она уже не раз говорила с ним на эту тему. «Если Берни захочет снова играть в футбол, предложи ему новую машину».

Берни, узнай об этом, пришел бы в ярость. Он бы не только отказался от машины, но тут же вернулся бы в футбольную команду. Он терпеть не мог, когда его подкупали. Иногда он ненавидел ход мыслей матери, она чрезмерно опекала его, а вот отец подходил к этому вопросу более разумно. Трудно быть единственным ребенком.

Когда Берни вернулся в Анн-Арбор и встретился с Шейлой, она его поняла, ей тоже нелегко дались каникулы. И они не смогли ни разу встретиться — Хартфорд был не на краю света, но это ничего не меняло. Шейла была поздним ребенком, и родители обращались с ней как с хрупкой стеклянной вазой. Каждый раз, когда она уходила из дома, они боялись, что ей могут навредить, ее могут ограбить или изнасиловать, или она поскользнется на льду, или познакомится с неподходящими мужчинами, или пойдет не в ту школу. Они не были в восторге от перспективы, что Шейла будет учиться в Мичиганском университете, но она настояла на своем. Шейла точно знала, как получить от них то,

чего хочет, но их постоянная суета вокруг нее ужасно раздражала; Шейла понимала, что Берни имел в виду. После пасхальных каникул они разработали план — поехать следующим летом в Европу и там встретиться, никому об этом не сказав. Так они и сделали.

Впервые вместе увидеть Венецию, Париж и Рим — это было счастье. Шейла была влюблена в Берни до безумия. Как-то раз они лежали обнаженные на уединенном пляже в Иске, ее черные как вороново крыло волосы рассыпались по плечам, и Берни подумал, что никогда в жизни не видел никого прекраснее. Он дошел до того, что втайне подумывал сделать ей предложение, но пока держал эти мысли при себе. Он мечтал, что они обручатся на рождественских каникулах, а в июне, когда закончат университет, поженятся. Они побывали и в Англии, и в Ирландии, а потом из Лондона полетели домой на одном самолете.

Отец, как обычно, был в своей клинике, и Берни встретила мать, хотя он и послал ей телеграмму, что его не надо встречать. Она радостно замахала ему. По случаю его приезда она сделала укладку, надела новый бежевый костюм от Бена Цукермана и выглядела моложе своих лет. Но как только мать заметила его спутницу, все теплые чувства Берни к ней испарились.

— Кто это?

— Мама, это Шейла Борден.

У миссис Файн был такой вид, будто она сейчас упадет в обморок.

— Вы все это время путешествовали вместе? — В подарок на его двадцать первый день рождения мать дала ему столько денег, что вполне хватило на шесть недель. — Вы путешествовали вместе... так... так бесстыдно?

Слушая мать, Берни хотелось умереть на месте, а Шейла улыбалась ему как ни в чем не бывало.

— Все нормально, Берни, не волнуйся. Мне все равно нужно сесть на шаттл до Хартфорда.

Его мать начала промокать глаза платочком, а Шейла лукаво улыбнулась ему, подхватила большую спортивную сумку и буквально исчезла, даже не попрощавшись.

— Мама, прошу тебя...

— Как ты мог меня обманывать?

— Я тебя не обманывал, я сказал, что встречаюсь с друзьями! — Берни покраснел, ему хотелось провалиться сквозь землю и никогда больше не видеть мать.

— И это ты называешь другом?

Он вдруг вспомнил, как они занимались любовью на пляжах, в парках, возле речек, в маленьких отелях... Что бы мать ни говорила, это не сотрет его воспоминания. Он неприязненно посмотрел на мать:

— Она мой лучший друг!

Берни взял сумку и пошел на выход из аэропорта один, оставив мать позади, но все же один раз оглянулся, и это было ошибкой: мать стояла и не таясь плакала. Берни не смог поступить так с ней, вернулся и попросил прощения, а потом ненавидел себя за это.

Осенью в университете их роман с Шейлой продолжился, и на этот раз, когда их отпустили на День благодарения, Берни поехал в Хартфорд, чтобы познакомиться с ее семьей. Явно удивленные, поскольку Шейла им ни о чем не рассказывала, ее родители общались с ним холодно, но вежливо. Когда они летели обратно в университет, Берни спросил об этом Шейлу:

— Они расстроились, что я еврей?

Ему в самом деле было любопытно. Он спрашивал себя, настроены ли ее родители так же непримиримо, как его собственные, хотя очень сомневался, что такое возможно. Разве мог кто-то быть столь же непримиримым, как Рут Файн? Во всяком случае, он так думал.

— Нет, — Шейла рассеянно улыбнулась, закуривая косячок. На обратном пути в Мичиган они сидели в самолете на последнем ряду. — Наверное, просто уди-